

Воспоминания о Блокаде Ленинграда

Татьяна Борисовна Фабрициева

«Мы были в гостях у папиных друзей, когда объявили воздушную тревогу. До этого их объявляли часто, но ничего страшного не происходило, трещали зенитки и объявляли отбой. А тут мы услышали не только зенитки, но и глухие удары взрывов. Когда, после отбоя, мы вышли на улицу, то увидели страшное багровое небо и расплзающиеся по нему клубы дыма. Позднее мы узнали, что это горели Бадаевские склады, те самые, где хранился основной запас продовольствия для города. Война для нас вступила в другой этап. Вечером снова была тревога, раздавался ужасный свист и после него глухой удар. Пол ходил ходуном, и казалось, что мы не дома, а на борту океанского корабля. Вскоре нам пришлось спуститься в убежище. То, что мы увидели утром, потрясло меня на всю жизнь: на соседней улице все дома через один были словно разрезаны ножом, в остатках квартир были видны печи, остатки картин на стенах, в одной из комнат над бездной повисла детская кроватка. Людей не было нигде

Валентина Степановна Власюга

- ▶ Зимой к голоду прибавился холод. Поселились в кухне, где была печка, топили всем, что горело. Воду добывали из снега. Но одной водой сыт не будешь, а голод безжалостно косил людей. Помню, как принес дядя Илья, папин брат, немного конины. Он работал начальником пожарного подразделения. Видно, околела лошадь, служившая у пожарников. А вот от кусочка собачатины мама отказалась. Соседи пустили под нож свою овчарку, предлагали маме, но та сказала, что не может есть того, кого хорошо знала при жизни. Соседи знали свою собаку еще лучше мамы, но съели все до последней косточки, еще и нахваливали, баранину, мол, напоминает

Игорь Владимирович Александров

- ▶ Самой трудной и опасной работой была заготовка дров. Топливо в Ленинград возили по Ладожскому озеру только на заводы. Сначала жгли книги, мебель и что найдётся. Но при бомбёжках рушились и горели дома, где можно было добыть с трудом недогоревшую древесину. Против нашего дома был огромный дом занимающий квартал, от ул. Разъезжей до след.улицы. В этот дом попали бомбы, он горел, как факел целую неделю. Пожарные машины его тушили, но безуспешно, он сгорел, но там много осталось несгоревшей древесины. Взять её было трудно, т.к. люди были истощены и опасно из-за того, что в любой момент могли обрушиться перекрытия и лестницы. Мы с мамой каждый день ходили туда за дровами. Она отбивала топором недогоревшие: перила, рамы, подоконники, сбрасывала их вниз, а я, что мог, таскал через улицу домой. В сгоревшем доме на лестницах, лестничных площадках сидели, лежали, чёрные сгоревшие, обледенелые от воды из пожарных шлангов трупы. Я с начало боялся мимо них ходить, но потом привык, они ведь не шевелились. Так мы заготовили дрова на зиму

Георгий Петрович Пинаев

► Когда в пионерский лагерь, где я оказался, приходила почта, это было великое событие. Получившие письма ликовали, а остальные понуро расходились по углам. И вот однажды, я уже не помню кто, подбегает ко мне и кричит: «Пляши». Это значит, что мне пришло долгожданное письмо. Я открываю его и замираю. Пишет не мама, а моя тетя: «...Ты уже большой мальчик, и ты должен знать. Мамы и бабушки больше нет. Они умерли от голода в Ленинграде...». Внутри все похолодело. Я никого не вижу и ничего не слышу, только слезы льются рекой из широко раскрытых глаз. В голове повторяются страшные слова: «больше нет, больше нет, больше нет...». Мне кажется, что меня сейчас тоже не будет

Лев Аркадьевич Стома

- ▶ Однажды мама пошла выкупить молоко мне и сестренке, и в этот магазин попал снаряд. Это случилось в ноябре 1941 года. Там было очень много жертв. Погибла и наша мама. Бабушка опознала ее только по руке, на которой было известное ей кольцо. Так мы остались с Таточкой только с дедушкой и бабушкой-инвалидом. Папа приехал с фронта, и маму похоронили на Охтинском кладбище. В конце ноября мы собрались помянуть покойницу, и дедушка сказал моему папе: «Ну что, Аркадий, выбирай – Лев или Таточка. Таточке одиннадцать месяцев, Льву шесть лет. Кто из них будет жить?». Вот так был поставлен вопрос. И Таточку отправили в детский дом, где она через месяц умерла. Был январь 1942-го, самый трудный месяц года. Плохо было очень – страшные морозы, ни света, ни воды